Н. А. Антипин, Г. Н. Кибиткина, Е. П. Турова[1]

Чехословацкие легионеры в Челябинске. 1918 г.

В настоящей публикации представлены документы из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области, посвященные пребыванию частей Чехословацкого корпуса в Челябинске. Выступление легионеров в мае 1918 г. стало важным этапом Гражданской войны на Урале. Публикуемые источники отражают историю конфликта чехословаков и военнопленных австро-венгров, который произошел в Челябинске в мае 1918 г. Документы позволяют представить отношения чешских легионеров с местным населением и властью.

Ключевые слова: *Первая мировая война Гражданская война, Чехословацкий корпус, архивные документы.*

Выступление легионеров Чехословацкого корпуса в Челябинске в мае 1918 г., начавшееся с конфликта чехов с военнопленными австро-венграми на железнодорожной ветке переселенческого пункта близ вокзала, положило начало разворачиванию на Южном Урале Гражданской войны.

К моменту выступления части чехословацкого корпуса были объединены в четыре группы: Пензенскую, Сибирскую, Владивостокскую и Челябинскую, которая насчитывала свыше 12 тысяч человек; возглавлял Челябинскую группу подполковник С. Н**.** Войцеховский. Местные власти препятствовали продвижению эшелонов во Владивосток, откуда они морем должны были следовать во Францию для продолжения войны с Германией. Причина этого заключалась в стремлении советского руководства привлечь личный состав корпуса на свою сторону, получить отлично вооруженную и обученную силу, способную оказать решающее влияние на установление пролетарской власти на Востоке страны. Основная масса солдат не желала участвовать во внутриполитическом конфликте на стороне белых, хотя командный состав был настроен явно против советской власти.

В конце апреля 1918 г. находившиеся на железнодорожной станции чехословаки потребовали от Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов большую сумму денег на продукты как компенсацию за вынужденную задержку в пути, но получили отказ. Было запрещено и проведение первомайской демонстрации отдельно от общей, т. к. власти опасались, что она явится смотром антибольшевистских сил. Обстановку усугубил инцидент с «убийством» военнопленными венграми чешского добровольца, на самом деле лишь легко раненного предметом (чугунной

[1] Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области, antipin87@mail.ru; Кибиткина Галина Николаевна, главный археограф, kibitkina54@mail.ru; Турова Елена Павловна, заведующая отделом публикации и научного использования документов, turova174@yandex.ru.

ножкой от печки), брошенном из проходившего состава. В результате инцидента недовольство, вызванное длительной задержкой на станции Челябинск, вылилось в самосуд над военнопленным венгром И. Маликом, убитым толпой чешских солдат на Челябинском переселенческом пункте. Председатель следственной комиссии И. А. Кольцов заявил, что если чехи не подчинятся советской власти, то будут расстреляны красногвардейцами. По решению Совета рабочих и солдатских депутатов были арестованы десять чешских солдат, причастных к убийству на переселенческом пункте. Чешское командование объявило действие Совета незаконным. 17 мая группа солдат повела наступление с вокзала на центр города, оцепила ряд учреждений, установила караулы на улицах. Во время переговоров чехословаки заверили Совет, что против народа выступать не будут. Арестованные солдаты были освобождены, а чешское командование отправило несколько воинских эшелонов на ст. Марьяновка (близ Омска). В создавшихся условиях местные противники советской власти установили контакты с чешским командованием и развернули агитационную кампанию. На совещании командования корпуса с представителями английской и французской военных миссий (20 мая 1918 г.) был разработан и утвержден план действий чехословацких частей по обеспечению дальнейшего продвижения во Владивосток, предусматривавший взятие под контроль важнейших железнодорожных станций. В ночь с 26 на 27 мая челябинская группировка чехов заняла важнейшие объекты города. После официального признания Комуча и формирования частей Народной армии чехословацкие полки оказывали новой власти вооруженную поддержку, выполняя приказ Верховного совета Антанты.

В настоящей публикации представлены документы из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области, посвященные пребыванию частей Чехословацкого корпуса в Челябинске. Публикуемые источники отражают историю конфликта чехословаков и военнопленных австро-венгров, который произошел в Челябинске в мае 1918 г. Документы позволяют представить отношения чешских легионеров с местным населением и властью.

Документы, отобранные для публикации, создавались в период революционных потрясений, когда власть менялась стремительно и подчас непредсказуемо, а представители этой власти были столь же малограмотны или неграмотны, как и большая часть населения. Это объясняет наличие в документах множества грамматических и орфографических ошибок, искажения литературного стиля, что сейчас, спустя сто лет, значительно усложняет их восприятие.

При подготовке документов к публикации была предпринята попытка привести текст к нормам современного литературного языка, максимально сохранив при этом языковые особенности документов. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения, были исправлены без оговорок (написание слова *«чехословаки»*). Также были исправлены отдельные слова, фразеологические обороты и даже предложения.

В документах встречается разночтение имен и фамилий (например, имя Малика – *Ехан, Иохан, Юхан*; а также *Иоган, Юган* – исправлено на более благозвучное и наиболее часто упоминаемое *Ехан*. Фамилия председателя Совета г. Челябинска *Колебянко* исправлена на *Кобелянко*, а также на основе историографии внесены правки в фамилии *Андржейковича* и военного комиссара *Мазура.*

Длинный текст ряда документов был разбит на абзацы. Сокращенные и восстановленные слова, а также окончания недописанных слов, имеющих двоякое толкование, заключены в квадратные скобки. Все документы являются машинописными копиями.

№ 1. Протокол дознания по делу убитого военнопленного Е. Малика[2]

16 мая 1918 г.

1918 года, мая 16-го дня. Я, член следственной комиссии Н. В. Соснин, производил дознание по делу убитого военнопленного Австрийской армии Малика Ехана в присутствии дежурн[ого] заведыв[ающего]Уголовным отделен[ием] станции Челябинск Ивана Митрофановича Тихонова и тов. комиссара по иностранным делам Звонемира Ференчино, спрошенного мною. Духачек Франтишек показал, что 14 мая с. г. при отправке трех вагонов с военнопленными с переселенческой ветки я исправлял фургон, когда вагоны военнопленных подошли, т. е. сравнялись со мною, из одного из вагонов в меня кто-то бросил какую-то железку с целью убить и которая попала мне в голову, и я упал без сознания, но голову мне не пробило, т. к. я стоял в шапке. После, когда я пришел в сознание, то доложил дежурн[ому] офицеру, и сам пошел в околоток. Более по сему делу показать ничего не могу[3].

Подпись[4]

Член следств[енной] комиссии *Н. В. Соснин*

Члены: *Ференчино*

ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 50. Машинописная копия.

№ 2. Информация «Вооруженное выступление чехословаков»

19 мая 1918 г.

Некоторое время тому назад, в связи с перестрелкой на станции, следственной комиссией было арестовано несколько человек чехословаков, это дало последним повод выступить с оружием на улицы 17 мая, около 9 ч. вечера. Все квартирующие в городе чехословаки, в полном вооружении оцепив Уфимскую и прилегающие к ней улицы и часть советских учреждений, потребовали от исп[олнительного] комитета освобождения арестованных.

---

[2] Помета перед заголовком: Потерпевший от военно-плен[ного], который убит.

[3] Пометы на документе:

Спросить Духачек[а], кто дежурил из офицеров, которому он заявлял.

Допросить тов. Мазура.

Духачек – фронтовик 6-го Словатского стрелк[ового] полка нестроевой роты, следующий с эшелоном во Владивосток.

[4] Подпись на иностранном языке.

Через несколько времени после переговоров арестованные были освобождены и конфликт был мирно улажен.

Назавтра чехословаками было выпущено следующее обращение к населению:

«Чешския войска всегда были и будут друзьями русского народа. Мы никогда не пойдем против Советской власти. Вчера, 17 мая, мы приходили в город только для того, чтобы освободить своих солдат, арестованных без всякой вины. Не верьте никому, кто будет говорить, что мы, чехи, враги русского народа, Советской власти и революции.

Командир 3-го Чешскословацкого полка».

Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов. 1918. 18 мая. № 70. С. 2.

№ 3. Акт освидетельствования трупа Малика Ехана

17 мая 1918 г.

1918 г., 17-го мая. В комиссии члена следственной комиссии Образцова и Попова и городского врача Мазина был произведен осмотр трупа Малика Ехана на предмет определения причины его смерти, причем оказалось: труп мужчины на вид 25–28 лет, рост 2 аршина, 6 вершков; телосложение правильное, питание умеренное, волосы головы и усы светлорусые, борода брита, лицо запачканное запекшейся кровью, на правой стороне шеи имеется колотая рана, проникающая в подкожный жирный слой. В области сердца на левой стороне груди имеется вторая колотая рана, проникающая в полость груди. Рана эта имеет элепсообразную форму, длиной 2 сантиметра. Зонд, проведенный в эту рану, прошел через полость сердца, сквозь всю грудную клетку до спины левой стороны, на которой также имеются три колотые раны, длиною полтора или два сантиметра каждая, проникающие сквозь кожу и мышцы в расположении одна под другой по оси тела. Кроме того на лице, спине, кистях рук имеются красно-багровые пятна.

На основании вышеизложенного комиссия пришла к заключению, что смерть Малика Ехана произошла от колотой раны, проникающей в левую сторону груди, с поранением сердца и левого легкого. Что касается остальных ран, они относятся к разряду легких ран, а кровопо[д]теки к разряду легких побоев. Все раны нанесены остро-колющим оружием.

Городской врач

Члены следственной комиссии[5]

ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 16. Машинописная копия.

№ 4. Показания военного комиссара ст. Челябинск Ф. Л. Мазура

25 мая 1918 г.

1918 г., мая 25-го дня, спрошенный по сему делу военный комиссар ст. Челябинск Федор Людвик[ович] Мазур показал следующее:

[5] Подписи отсутствуют.

Я, как военный комиссар, наблюдатель за всеми передвигающимися эшелонами чехословацких войск, направляющихся на Владивосток, дважды на вопрос председателя Совета города Челябинск Кобелянко[6] – как ведут себя чехословаки – я отвечал: ведут себя безукоризненно, сверх всякой похвалы, все мои замечания проводятся также беспрекословно в исполнение. На основании показанного я всегда был смел в среде чехословаков, когда случались какие-либо инциденты без всякой охраны.

1-й инцидент – пойманный карманный вор чехословацкими войсками на базаре приведен был в комиссариат чехословацким офицером для производства дознания и предания суду. Я приказал своим патрулям, чтобы его отвели в уголовный жел[езно]дор[ожный] отдел для производства дознания и предания суду. Но мне заявил тут же чехосл[овацкий] офицер и мои патрули, что выводить его нельзя, потому, что его убьют. На вопрос кто, ответили: чехосл[овацкий] солдат, после чего я вышел сам на платформу, обратился к чехословацким солдатам, которых было около пятисот человек: что им нужно? Они ответили из толпы: выдать им вора, мы с ним расправимся.

Я им заявил: вор Вам выдан не будет. От Вас требую тут же разойтись по своим местам. Поднялись крики в толпе, тут же чехосл[овацкий] офицер повторил мои приказания на своем языке и потребовал немедленного исполнения. Толпа исполнила, арестованного привели в уголовное отделение 2 чел. патрулей, за ними никто не следовал из ч[ехословацких] с[олдат].

2-й инцидент. 14 мая один из охранников мне заявил, что на переселенческом пункте чехословаки спорят с военнопленными. Сколько человек? Он мне ответил, что много. Я тут же позвонил по телефону нач[альнику]отряда на переселенческом пункте Ярченко, чтобы взял патрулей, вышел на ветку и узнал в чем дело. Спустя минут пять прибегает член реквизионной[7] комиссии Медведев, заявляет: итти скорее, кто может, а то чехословаки хотят убить военнопленного австрийца. Выскочил я и т[оварищ] председателя комиссариата Мальченко во двор бывшей бани около коменданта, увидел человек 400 чехослов[аков] во дворе. Я их спросил, что им нужно, зачем пришли сюда. Один из них унтер-офицер ответил: с переселенческого пункта бежал австриец, который работал по выгрузке овса, он нас оскорбил словами. Я их спросил, что же вы хотите сделать с ним, он мне ответил: мы хочем взять его с собой и расправиться с ним. Я им ответил: Выше[8] оскорбление изложите на бумаге, пришлите в комиссариат, будет сделано дознание и привлекут австрийца к ответственности. Толпа не соглашалась, требовала немедленно выдать. Я им ответил и приказал сделать то, что объяснил – немедленно очистить двор, австриец выдан Вам не будет. После троекратного повторения чехословаки двор очистили, австриец в[оенно]пленный был препровожден в уголовный отдел, где просидел двое суток. Дознание не проводилось, т. к. чехословаки не представили обвинения, изложенного на бумаге.

---

[6] В тексте *Колебянко*.

[7] Так в тексте.

[8] Так в тексте.

Считая вторым инцидентом я и комиссариат, что споры чехословаков с австрийцами на переселенческом пункте закончены, обсуждая этот вопрос с представителем и тов[арищем] его комиссаром, в этот момент входит в комиссариат нач[альник] отряда Ярченко, который приехал верхом с переселенческого пункта с докладом о спорах, заявляет коротко: спешите скорее на переселенческий пункт, там, кажется, много уже убитых австрийцев и наш охранник чехословак. Мы немедленно отправились – я, пред[седатель] комиссариата Андржейкович и его тов. Мальченко, увидели толпу в количестве 1500 чел. чехосл[овацких] войск, вошли в середину толпы увидели – лежит убитый австриец, еще жил, минут через 5 скончался, рядом с ним копают яму, которая уже выкопана глубиною аршина полтора. В присутствии Андржейковича и Мальченко я задал вопрос чехословацкому офицеру, подошедшему к нам: вы сознаете, что делаете, он ответил – да, сознаем; задал второй вопрос: Вы вправе расправляться, как уже расправились, он ответил – да, мы вправе, он виновен; задал третий вопрос – просил обдумать и ответить: Вы имеете право судить, убивать виновных пленных на чужой территории, в то время как являетесь у нас гостями, не сообщая об этом нашим властям; [он] свесил голову и через малый промежуток времени ответил: нет, но [мы] спрашивали коменданта разрешения взять пленных из вагона, выяснить виновников, комендант нам разрешил. Я в недоумении переспросил офицера: кто Вам разрешил? Он ответил вторично: комендант нам разрешил взять пленных из вагонов и выявить виновного, мы взяли виновного, выяснили, но сдержать толпу было невозможно, и это все случилось.

Я приказал яму не копать и из своей охраны поставил караул у трупа, последовали вглубь толпы, было около ста австрийцев, человек восемь – десять были покалечены по разным местам, из которых текла кровь и некоторым из них была сделана перевязка. Я спросил, что это значит у этого же офицера. Тут же был чехословацкий комиссар Котруба. Он мне объяснил; тут же был Андржейкович и Мальченко. Пленные австрийцы стояли 4 вагона на переселенческой ветке, спорили с чехословаками, ругали австрийцы чехословак, был подан паровоз, и пленных австрийцев забрали 4 вагона, подали на 1 воинскую для [от]правления в Момск[9].

Во время движения с переселенческого пункта из пленных австрийцев бросили чугунную ножку от чугунной печки в толпу чехословацких солдат и одному из них попало по затылку, так сильно, что лежит без памяти при смерти и озлобленные чехословаки побежали через переселенческий пункт на воинскую платформу. Узнав, что австрийцы еще не уехали, вызвали конвой с ружьями, привели пленных австрийцев обратно на переселенческий пункт из 3-х вагонов, тут их построили и спрашивали, кто бросил железо. Виновный не признавался, товарищи его не выдавали, тогда чехословаки приступили к пытке, и когда они покалечили девять человек, тогда один из австрийцев указал виновного. Виновный сознался, его убили, после чего опять же в присутствии т. Андржейковича и Мальченко мною было отдано приказание нач[альнику]

[9] Так в тексте. Вероятно, имеется в виду Омск.

отряда Ярченко немедленно о случившемся позвонить по телефону в городской совет, военный отдел, следственную комиссию, интернационалистам.

Спустя полчаса на место происшествия приехал пред[седатель] следственной комиссии. Как велось следствие, и что сделали упомянутые организации, мне ничего не известно. На вопрос члена следственной комиссии Черноскутова видел ли ту чугунную от печки ножку, выброшенную из вагона, вместо чугунной ножки от печки мне показывали камень в вес около 1 фунта и замок такого же веса.

Через час после того я был на месте происшествия. Мне в комиссариате заявил офицер ч[ехо]с[ловак] в присутствии комиссара чехословацких войск, что тот солдат, в которого была брошена железная ножка, скончался. После всего я зашел в отряд выяснить, почему патрули допустили убийство, один мне заявил: меня обезоружили чехословаки, в это время ч[ехо]с[ловацкий] солдат с набега хотел его заколоть, затем били его прикладами и кулаками, и я считал, что живым не останусь, но тут подоспел офицер ч[ехо]с[ловак] и защитил его, вывел из толпы и приказал охранникам уйти в казармы, и охрана до нашего прихода и сидела.

По поводу выступления чехословаков 17 мая я своей обязанностью военного комиссара передал 16 мая пред[седателю] комиссариата Андржейковичу согласно протокола комиссариата и исполкома жел[езно]дор[ожного] совета.

17 мая я после обеда отдыхал, прибежал ко мне нач[альник] отряда Ярченко, заявил: комиссариат арестован, это было около 7 час. вечера, наша охрана обезоруживается, чехословаки выступают против совета арестовать его, я спросил – за что, он ответил – за то, что арестовали 10 ч[еловек] чехословаков, которые были присланы для дознания в следственную комиссию, затем арестовали 12 чел. делегацию чехослов[ацких] солдат и еще два чел[овека] делегатов, и таким поступком чехословаки возмутились, хотят совет арестовать, своих освободить. Я ему ответил: спешите в отряд, предупредите их, чтобы был спокоен, оружье не выдавайте и никакие выступления не допускайте, что будет нужно – получите приказание. Он тут ушел, я позвонил в военный отдел, никого не было, совет был занят, штаб дивизии звонил, ответил дежурный (писарь офицер – не знаю) спросил, что Вам известно, ответили ничего, все тихо, спокойно. Я им сообщил: если будете получать какие-либо сведения о выступлении чехословаков без Садлуцкого и членов исполкома, ничего не предпринимайте и пошлите в совет связь и отыщите Садлуцкого.

Никуда не выходя, наблюдал за движением чехословаков, дважды был на станции, сообщал в штаб охраны о спокойствии на станции, о спокойствии в городе, передавал в жел[езно]дор[ожный] комиссариат. Нач[альник] отряда удержал умело свой отряд от выступления. На вопрос т[оварища] Задорина о тех группах [во] 2-й и 3-й день выступления – как комиссар Мазур относился к собравшимся группам, в которых произносилась агитация против советской власти – я заключаю, что чехословаки относились отрицательно.

Задорин, Игнатов, Мазур, Гурьев, Сичкарь, Черноскутов

ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 22–23. Машинописная копия.

№ 5. Фельетон «Свобода и обыватель»

5 июня 1918 г.

...Чехословаки!.. У всех на устах это имя, то с радостью и благодарностью, то с беспокойством повторяется оно теперь на улицах, в домах, везде, где есть люди.

– Они живут с нами уже месяц, но что мы знаем о них?

Сбитый с толку обыватель, отупевший и загнанный в четыре стены своей комнаты, равнодушно встречал и провожал глазами людей в русской форме с маленькими национальными значками на фуражках...

– Они чужие, они счастливые... Они едут во Францию, в страну свободы и порядка.

– Вероятно, им противны мы, с нашими заплеванными, загаженными городами, с неунывающей, безбашно разнузданной толпой на улицах... Они уедут и с брезгливой жалостью будут вспоминать Россию, своего оборванного, забитого брата, с тупой покорностью вола, подставляющего свою шею под немецкое ярмо...

Обыватель сидел дома и ждал чуда, которое освободит его от большевика – дракона страшным кольцом обхватившего его жизнь...

– Но чуда не было... Дракон жил, жирел и все теснее сдвигалось кольцо.

– Большевистское засилье казалось чудовищем страшным, непобедимым. Но вот раз вечером... несколько ружейных залпов, ряды серых, аккуратно застегнутых шинелей и... дракон смирно лежал, свернувшись калачиком, а чехословак, как укротитель среди забитых зверей, спокойно распоряжался ни... обыватель изумлен, недоверчиво улыбается, ждет... Кажется, что-то случилось?..

Но нет... Зверь опять на свободе.

Опять нельзя вечером выйти из дому, страшно перейти с детьми улицу, по которой бешено мчатся автомобили. На тротуарах того и гляди заедет штыком в глаз зазевавшийся всклокоченный красноармеец... Все в порядке.

Блеснувшая надежда заменяется холодным отчаянием, а оправившийся от испуга зверь снова выпускает когти и тихо, зловеще крадется за своим укротителем...

Но тот не теряет времени. Короткий сильный удар; у зверя вырваны когти и он в бессильной ярости скрежещет зубами, но смирно лежит у ног своего победителя!

Обыватель свободен. В первый раз за много месяцев для него снова засияло яркое радостное солнышко, снова он может устраивать свою жизнь по-своему, громко высказывать свои мысли и не бояться за свою жизнь и имущество.

Но он смущен, тих, еще не верит.

Ему кажется, что зверь еще силен, что он притаился и ждет... Он не в силах понять, что страшный для него зверь, только и был страшен, благодаря его обывательской забитости и покорности... Он все еще медлит снова сознать себя гражданином великой свободной России!..

Но пора!.. Теперь не время колебаниям, сомнениям и спорам!.. С радостью и благодарностью мы примем братскую руку, так мужественно протянутую нам, в нашу могилу позора и унижений... Опираясь на нее, мы дружно и бодро пойдем навстречу врагам, и снова воскреснет Россия к новой действительно свободной и счастливой жизни...

Е.

Власть народа. 1918. 5 июня. № 3. С. 3.

№ 6. Статья «Очередная задача»

9 июня 1918 г.

(От председателя Исп[олнительного] Ком[итета] чехосл[овацких] войск)

Советская власть в непонятном ослеплении подняла против чехословацких эшелонов оружие. Наши эшелоны подверглись предательскому нападению в Марьяновке, где путь был разобран, наш эшелон остановлен, но отбился доблестно, оставив на поле сражения 12 своих убитых и 150 красноармейцев. В Сердобске зверские прислужники комиссаро-державия пустили полным ходом паровоз против мирно проезжающего чехословацкого эшелона – наши беззащитные добровольцы не бежали озорно, но повернулись против пулеметов, камнями побили скрытобойников и голыми руками отняли у них пулеметы.

Мы до сих пор старались соблюдать нейтралитет, несмотря на то, что мы, как истинные друзья русского народа не можем увлекаться тиранией новейшего режима, заменившего русские войска наймитами из числа военнопленных врагов. Мы подняли свое оружие на свою защиту и одним ударом освободили почти все пространство от Челябинска до Иркутска от страшного кошмара. От наступающих красноармейцев чехосл[оваки] добровольцы бьют по очереди.

После нашего удара всколыхнулась вся угнетенная, униженная, загнанная Россия. Взоры всей народной России обратились сразу к нам. В растерзанной, дезорганизованной России оказалась кучка смельчаков, не захотевших подчиниться террору эксплуататоров народной власти. По селам, по деревням, по городам идет [со] скоростью молнии таинственный клич. Изверившиеся граждане поднимают голову. В степной глуши гор. Кокчетав освобождается от советской тирании. Столица Сибири, Томск, без кровопролития сдался. Из далеких деревень приходят к нам ходоки с просьбою защитить их от местных тиранов. Трудовое население пригородов Челябинска просит нашей помощи. Казаки зашевелились.

Мы чувствуем всю тяжесть ответственности перед данным моментом. Нас восхваляют как освободителей, спасителей. Но мы в фимиане[10] песнопений должны сохранить холодный ум. Сегодня еще рано говорить об окончательном освобождении. Мы сделали первый необходимый шаг – мы обезоружили советскую власть, но теперь за вами, граждане, очередь. Вы должны приобретенную свободу закрепить за собою. Эта задача более тяжелая. Только

[10] Фимиам – ладан, благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях.

единодушная поддержка всего местного населения будет в состоянии отстоять и закрепить новый правовой, свободный порядок; очередная задача немедленно сорганизовать народные силы для защиты своей свободы, организовать плодотворную общественную работу, покончить с прогрессирующей разрухой промышленности и земледелия, взяться немедленно за положительную работу на пользу всего трудового населения. Только тогда сумеете защитить родину и спасти приобретения революции. Все к оружию, все за работу.

Богдан Павлу

Власть народа. 1918. 9 июня. № 7. С. 5.

№ 7. Статья «Новое выступление чехословаков»

9 июня 1918 г.

В воскресенье 26 мая по городу Челябинску появились расклеенные объявления чехословацкого отряда, в которых объяснялось о причинах выступления 17 мая.

В 2 часа ночи 27 мая чехословаки вновь сделали вооруженное выступление. Переправившись в двух местах (вброд) через реку Миасс, они окружили казармы красноармейцев (быв[шего] 109-го полка), захватив врасплох спавших и обезоружив.

В то же время были захвачены и окружены учреждения совета кр[естьянских], раб[очих], арм[ейских], каз[ачьих],мусс[ульманских] депутатов. С утра 27 мая по городу ходят вооруженные чехословацкие патрули.

На важных постах стоят вооруженные часовые.

На мосту через реку Миасс находится застава с четырьмя пулеметами. Из казарм красноармейцев перевозятся винтовки, патроны и артиллерия по направлению к ст. Челябинск.

В городе спокойно, хотя на углах кое-где и сбираются небольшие летучки-митинги. Совет кр[естьянских], раб[очих], каз[ачьих], и арм[ейских] депутатов беспрерывно заседает в номерах Дядина.

Конфликт, вероятно, быстро уладится. Главное треб[ование] чехословаков, как выясняется из их объявлений, дальнейшая отправка во Владивосток, откуда они намерены проехать на Западный (французский) фронт.

А. С.

(«Трудовая Мысль»)

Власть народа. 1918. 9 июня. № 7. С. 5–6.

№ 8. Стихотворение «Гимн свободе»

19 июня 1918 г.

Посвящается братьям чехословакам

Радость, великая радость горит
В исстрадавшемся сердце народа.
Лозунг наш победный
Весь мир облетит:
Братство, любовь и свобода.

Братья! Свобода и родина нам
Счастья дороже и жизни,
Слава словакам – свободным сынам,
Слава свободной Отчизне.
Свет возрождения гордо несет
Вольное братство народа,
Наш триединый и мощный оплот –
Братство, любовь и свобода.

Некто

Власть народа. 1918. 19 июня. № 14. С. 2.

№ 9. Стихотворение «Чехословакам»

30 июня 1918 г.

Чехословакам

Словаки – чехи! Вы явились к нам случайно,
Могучей стройною веселою толпой,
И будто знали вы, как тяжко чрезвычайно
Нам было переносить Совдепа дикий вой!
Явились в майский день, природа ликовала
И солнца луч играл как никогда.
Веселый день! Беда нас миновала!..
Тот светлый майский день запомним навсегда.
Могучею волной Челябинск наш обмыло
И унесло всю грязь без всякого следа
С могучею волной страдание уплыло
И унеслась волной тяжелая беда.

Челябинец

Власть народа. 1918. 30 июня. № 23. С. 2.

№ 10. Информация о сборе пожертвований челябинцами для раненых чехословаков

30 июня 1918 г.

При похоронах чешских добровольцев 20 июня собранные жителями города Челябинска деньги в сумме 366 руб. 37 коп. были переданы санитарному поезду чешскословацкого корпуса № 1 для улучшения жизни раненых.

Власть народа. 1918. 30 июня. № 23. С. 3.

№ 11. Нота Народного комиссариата по иностранным делам бывшим союзникам о чехословаках

6 июля 1918 г.

Передана начальнику великобританской миссии, французскому генеральному консулу, итальянскому генеральному консулу нота следующего содержания:

4 июня представители 4-х держав – Англии, Франции, Италии и Северо-Американских Соединенных Штатов – сделали нам по вопросу о чехословаках заявление, в котором указывали, что если разоружение чехословаков будет приведено в исполнение, то перечисленные правительства будут рассматривать это как недружелюбный акт, направленный против них, так как чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством и заботами держав согласия.

Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь по этому вопросу дать нижеследующее разъяснение: разоружение чехословаков не может быть ни в коем случае рассматриваемо как акт недружелюбия в отношении держав согласия.

Оно вызвано, прежде всего, тем, что Россия, как нейтральное государство, не может терпеть на своей территории вооруженных отрядов, не принадлежащих к армии советской республики.

Непосредственным же поводом к применению решительных и строгих мер в целях разоружения чехословаков послужили их же собственные действия.

Еще задолго до нынешнего вооруженного революционного мятежа в Сибири, до сих пор еще не подавленного, чехословацкие отряды не подчинялись железнодорожным правилам и местным советским властям, вносили дезорганизацию в железнодорожные сообщения и особенно в продовольственное дело, силою оружия захватывая продовольственные склады, и в некоторых местах производили акты насилия над социалистами-интернационалистами. Советское правительство, между тем, искало миролюбивого выхода из становившегося все более тревожным положения, но ввиду все более вызывающего отношения чехословаков и создаваемой их вооруженным продвижением опасности, принуждено было ускорить необходимые меры к их разоружению.

Однако, только прямой контрреволюционный вооруженный мятеж чехословацких отрядов против Советов заставил советское правительство стать на путь строгого вооруженного подавления мятежников.

Чехословацкий мятеж начался в Челябинске 26 мая, где чехословаки захватили вокзал, заняли город, сместили и арестовали местные советские власти и в ответ на требование прекратить бесчинства и разоружиться встретили огнем наши воинские части.

Дальнейшее развитие мятежа повело к занятию чехословаками Пензы, Самары, Новониколаевска, Омска и других городов.

Чехословацкий мятеж везде сопровождался арестом советских властей, расстрелами, и с другой стороны созданием контрреволюционных организаций, именующих себя местными правительствами. Чехословаки везде действуют в союзе с белогвардейцами и контрреволюционным русским офицерством.

В некоторых местах имеются среди них французские офицеры. Во всех пунктах контрреволюционного чехословацкого мятежа реставрируются учреждения, устраненные рабоче-крестьянской Советской республикой.

Развернувшиеся события доказали, что перед нами в данном случае мятеж белогвардейцев, реакционного офицерства и других контрреволюционных элементов против Советской республики, поддерживаемый вооруженной силой чехословацких отрядов и опирающийся на эту силу.

Советское правительство приняло самые решительные меры к подавлению вооруженной рукой чехословаков и их безусловному разоружению. Никакой другой исход для Советского правительства недопустим.

Народный комиссариат по иностранным делам выражает уверенность, что после всего вышеизложенного представители 4-х держав согласия не будут рассматривать разоружение чехословацких отрядов, охарактеризованных ими как союзные и находящиеся под их покровительством, как акт недружелюбия, но наоборот, признают необходимость и целесообразность предпринятых Советским правительством против мятежников мероприятий.

Народный комиссариат выражает кроме того надежду, что представители

4-х держав согласия не замедлят выразить осуждение чехословацким отрядам, призываемым ими находящимися под их покровительством, за их контрреволюционный вооруженный мятеж, являющийся самым откровенным и решительным вмешательством во внутренние дела России.

Народный комиссар по иностранным делам *Чичерин*

Власть народа. 1918. 6 июля. № 28. С. 2.

№ 12. Призыв комиссии по постройке памятника чехословакам к населению г. Челябинска о сборе средств на строительство памятника

18 июля 1918 г.

Граждане! Свершилось!

Вы освободились от самодержавия большевиков.

Вы свободно идете к устройству своей жизни.

Челябинску выпало счастье быть первым городом, в котором сброшено большевистское засилье.

В Челябинске пролиты первые капли крови героев-освободителей чехословаков.

В Челябинске похоронены первые жертвы наших освободителей чехословаков, казаков и башкир.

Граждане! Этот исторический момент сделал г. Челябинск историческим городом, что обязывает всех любящих родную Россию увековечить его постройкой памятника.

Пожертвования сдавайте во все отделения Государственного Банка на текущий счет № 250834, извещая о них Совет старшин Челябинского общественного собрания.

Комиссия по постройке памятника в г. Челябинске.

Власть народа. 1918. 18 июля. № 34. С. 2.

Antipin N. A., candidate of historical sciences, deputy director of the United State Archive of the Chelyabinsk region, antipin87@mail.ru

Kibitkina G. N., chief archaeographer of the United State Archive of the Chelyabinsk region, kibitkina54@mail.ru

Turova E. P., head of the department for the publication and scientific use of documents of the United State Archive of the Chelyabinsk region, turova174@yandex.ru

This publication presents documents from the funds of the United State Archive of the Chelyabinsk Region, dedicated to the stay of parts of the Czechoslovak Corps in Chelyabinsk. The performance of the Legionnaires in May 1918 was an important stage of the Civil War in the Urals. The published sources reflect the history of the conflict between Czechoslovaks and prisoners of war of the Austro-Hungarians, which occurred in Chelyabinsk in May 1918. The documents show the relations of Czech legionaries with the local population and power.

Keywords: *First World War Civil War, Czechoslovak Corps, archival documents.*